

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: АНАЛИЗ ТРЕХ ВСТРЕЧ

М.Н.МАЛКОВА*

Начинающему психотерапевту в поисках своего стиля работы трудно не зайти на чужие территории. Не будучи адептом ни одной из существующих психотерапевтических школ и не владея той чистотой категориального аппарата, которая часто достигается «огнем и мечом» и искоренением чужеродного, я осторожно и иногда интуитивно использую их способы работы и анализа. Может быть эклектично, но с надеждой выстроить в будущем свой собственный стиль, отвечая, в первую очередь, не на вопрос «Как?», а на вопрос «Для чего?»

Для меня терапия – это Встреча, и напоминает разговор со случайным попутчиком, который оставит надолго в памяти фразу, слово, ответ на волнующий вопрос, знание об ином жизненном пути или просто ощущение состоявшегося контакта. Для меня терапия – это хороший фильм, роман или песня, красивый пейзаж, берущий за душу, или выхваченное из общей суеты лицо, действие или событие – то, что заставляет изменить дыхание, ритм жизни.

На что похож для меня хороший результат терапии? Это когда ты ищешь ответ на какой-то вопрос и вдруг – случайно брошенное слово, взгляд или все выше перечисленное, и ты понимаешь – вот он, ответ. Или вдруг понимаешь: то, что тебя так долго мучило, отпустило. Это похоже на буберовское описание проникновения (*М.Бубер, 1995*) – «когда в открытый для восприятия час моей личной жизни я встречаю человека, в котором мне что-то, что объективно я даже не могу постигнуть, «говорит». Не говорит мне, каков этот человек, что с ним происходит и тому подобное. Но говорит что-то мне, взывает как-то ко мне, входит сказанным в мою жизнь».

Что все это объединяет для меня? Измененное состояние сознания, «открытый для восприятия час», то, что делает человека готовым к

* *Малкова Марина Николаевна* – выпускница факультета психологии МГУ 1988г. и факультета психотерапии и психологического консультирования МППИ 1997г.; практикующий психотерапевт.

принятию нового опыта. И в чем же специфическая роль терапевта? На мой взгляд, в создании условий для возможной душевной работы клиента, для возникновения этого измененного состояния сознания. А вот что это за условия, наверное, определяется верой, мировоззрением, антропологическими представлениями, тем, как терапевт для себя отвечает на вопрос, «что такое человек, откуда он пришел, куда идет, какова его природа» (Бердяев, 1993). И для меня сначала стоит этот вопрос, вопрос о сути человека, а потом уже вопрос о том, как с ним работать. Образцом ответа на эти два вопроса терапии для меня служит клиент-центрированная терапия Роджерса, гармонично соединившая антропологические основания психотерапии и методический аппарат. Может показаться, что его теория человека слишком общая, что ей не хватает деталей и разработанности механизмов, но, возможно, этим просто признается, что человеческая душа по-прежнему тайна.

Из роджерсианской антропологии естественно вытекает, что главная психотерапевтическая сила – отношения терапевта и пациента (Ялом, 1997), Отношения, предполагающие конгруэнтность, безусловное положительное принятие и эмпатическое понимание (Роджерс, 1994). Отношения, возникающие при переходе от Я-Оно к Я-Ты. «Именно такие отношения, а не навыки и знание техники психотерапии являются основной причиной психотерапевтических отношений» (Роджерс, 1994),

Это и определило название данной работы. Психотерапевтические отношения для меня семантически ближе всего к «человеческим отношениям», а слово «встреча» перекликается с экзистенциальным представлением о встрече. Мне хотелось вынести в заголовок «Экзистенциальный анализ», но столкнувшись, с одной стороны, с недостатком доступной литературы по этому вопросу, а с другой – противоречивыми фигурами представителей этого направления, я почувствовала себя на незнакомой территории и отступила.

Я уверена, что задача и потенциал терапевта – в умении извлечь пользу и опыт как из своих успехов, так и из своих неудач. Этому посвящена моя работа. Но мне бы хотелось провести не анализ моей техники, а анализ отношений, моя цель – описание терапии как Встречи, попытка понять, что в моем внутреннем отношении, опыте помогло и обеспечило успех первой сессии, что привело к внутреннему ощущению неудачи после второй, как я переработала и использовала этот опыт в последней встрече, и что дала эта работа моим клиентам и мне как терапевту и человеку.

Отвечая на эти вопросы, возможно, я приближусь к пониманию того, что для меня значит терапия и каков мой индивидуальный стиль.

* * *

Клиентом в данной работе являлась семья: мать, Клава, 37-лет, и ее сын, Саша, ученик 7-го класса.

Я попросила своих друзей найти мне клиента для экзаменационной

консультации. Платой за консультацию было согласие на видеозапись; обычные клиенты на такие условия не соглашались. В такой ситуации возникает опасность смазывания границ психотерапевтической ситуации либо низкой мотивации клиента. Так, среди «добровольцев» оказались 50-летняя Нина Сергеевна, до и после проведенной сессии искренне считавшая, что главная ее задача – мне помочь и побольше наговорить для видеозаписи; 25-летняя Наташа, велевшая мне подождать у нее на кухне час, пока она помоеет голову и соберется, так как она не любит одна искать незнакомый адрес; и Клава, соседка по дому моей подруги. Я зашла к ней договориться о встрече, мы решили, что она придет через час, если к этому времени успеет вернуться ее сын, или на следующий день. Они пришли через час десять, что было почти нереально. Для меня это было неким знаком их заинтересованности. А начало первой фразы Клавы: «В принципе мы пришли к Вам как к специалисту», – указывало на то, что они хотят получить профессиональную психологическую помощь, хотя, может быть, не психотерапию, а психологическое консультирование.

Таким образом, в какой-то мере случайная встреча обернулась настоящей работой и настоящими проблемами. Ее обрамляла заранее заданная рамка ограниченных во времени отношений сотрудничества – я оказываю им психологическую помощь, они своим участием помогают мне в моих профессиональных экзаменах. Изначально предполагалось, что это будет единственная встреча.

Было проведено 3 сессии, 2 записывались на видео. В данной работе я дословно привожу фразы Саши (С.), Клавы (К.) и терапевта (Т.), не редактируя и ничего не меняя, оставляя аграмматизмы и шероховатости разговорной речи, столь важные иногда для понимания внутреннего состояния человека.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА: ЖИЗНЬ СЕМЬИ

Как трудно выразить объемность на плоскости листа

Приступая к описанию первой встречи, чувствую, что ставлю непосильную задачу в своем желании передать всю полноту и объемность происходящего. Не зная о своих клиентах ничего, кроме домашнего адреса, через живой, полный боли двухголосый монолог семьи я узнавала не только об их проблемах, но и, кажется, проживала с ними всю жизнь, стоящую за этими проблемами и болью.

Проникаясь жизнью этой семьи, невольно вспоминаешь приевшуюся из обществоведения фразу, что семья – ячейка общества. Да и сама Клава не раз упоминает об этом: «Просто не так уж много у нас времени, не так много денег, где-то, что-то можно было бы компенсировать, ну если бы я не так была занята на работе, меньше бы меня угнетали другие мысли, может быть, я бы об этом уже не думала. То есть, это уже сериальная проблема, здесь уже государство, недаром говорят, что семья – это ячейка государства...»

Я и мои клиенты – жители научно-технического городка. Клава, по

образованию инженер, работает на одном из двух кормивших в прошлом весь город государственных предприятий, и она особенно остро ощущает на себе перипетии современной экономики: *«Если я в принципе стала получать мало зарплату, это на предприятии отразилось, на котором я работаю, это ни с того ни с сего свалилось, не из-за того, что я пьяница и лоботряс»*. Четыре года назад она развелась, что, конечно, добавило материальных и моральных проблем. *«Раньше, когда с отцом жили, она на меня меньше кричала»*, – говорит Саша.

Обостряет отношения и жизнь в коммунальной квартире, ведь даже если вы в ссоре, все равно приходится находиться вместе в одной комнате: *«Разойтись некуда. Ну как, кухня – на кухне соседи, а комната только... Тут уже, видите, социальная проблема – разойтись некуда»*. Все это служит фоном, а частично и причиной сложных отношений между матерью и сыном, что и отразилось в первой фразе клиентки: *«В принципе, мы пришли к Вам как к специалисту, ну это я. Но, может быть... это такие вопросы, ну как... (плачет) ну они сейчас многие с этим сталкиваются. Это вопросы жизни нашей вообще... Ну, проблемы материального плана, по-моему, сейчас обсуждать нет смысла. А вот проблемы психологического что ли такого свойства... Меня, например, беспокоит больше всего будущее моего сына. Я стараюсь ему дать познания, что жизнь сложная, что в жизни много всяких препятствий, а именно, в чем они будут заключаться – в том, что будут встречаться всевозможные люди... Порядочные, непорядочные, добрые, злые, критиковые... ну какие-нибудь корыстные... И вот, чтобы ему было легче в жизни идти в будущем... ну, может быть, и несвоевременно это делаю... я постоянно его учу... На этой почве у нас с ним много ну... таких конфликтов. Ну, мне бы хотелось с собою... самой что-то почерпнуть, чтобы, может быть, ну, не испортить как-то то, что я хочу вложить. То есть, что называется не пересолить что ли... и не пересластить тоже... чтобы мы могли для себя уяснить, в чем наши ошибки. Потому что, может быть, я слишком требовательная, может быть, я что-то не так просто передаю по жизни... именно такая у нас вещь...»*

«Пересаливая», как мне кажется, она сильно обижает сына. Саша, плача, рассказывает: *«Да уже стали ребята говорить: «У тебя мать дура, она на улице на тебя орет»*.

На встрече со «специалистом» пришла семья, и моя работа была работой с семьей. В таком случае важно было включить в процесс менее заинтересованного участника встречи – ребенка. Ведь это мама привела его сюда, мама сразу же начала долго и многословно говорить о его воспитании, и консультация грозила перерасти еще в один монолог мамы о его воспитании, к тому же в присутствии постороннего человека. Я использовала принцип циркулярного интервью (Саймон, 1996), но в несколько модифицированном виде – реагируя на реплику мамы, я обращалась к Саше, стараясь давать эмпатические и понимающие фразы (Василюк, 1988), и, продолжая уже про Сашу, останавливаясь, не до-

говаривая, как бы предлагая ему продолжить (или наоборот). В целом консультация прошла продуктивно, наполненная энергетикой, эмоциями и открытиями. Все так хорошо сложилось: и готовность мамы признать свои промахи и посмотреть на свою ситуацию другими глазами, и открытость Саши и мамы в проявлении своих чувств, и мое доверие к этой семье, их чувствам и проблемам, и даже присутствие большого белого кота в качестве «коттерапевта». Надеюсь, что здесь есть и вклад удачно выбранной стратегии терапевта, и то, что я смогла сохранить на протяжении всей консультации достаточно нейтральную позицию по отношению к конфронтации мать-сын, которая разворачивалась на моих глазах.

На этой встрече я стремилась создать безопасные условия для того, чтобы Саша и мама могли выразить свои чувства, мечты и обиды. Обид, к сожалению, было больше. Безопасность достигалась тем, что обиды высказывались мне как «специалисту», хоть и в присутствии обидчика. И моя задача была в том, чтобы разделить чувства обиженной стороны, назвать их, проговорить их в присутствии «обидчика», показать ему, как другой воспринимает его слова и поступки, а потом, обращаясь уже к «обидчику», выяснить, что же стояло за его действиями, и вместе с ним понять, какие чувства им в этот момент владели.

К.: ... Ну, так вот немножко конфликтует...

С.: Ну, вот она еще начинает меня пилить. По утрам собираюсь в школу, что-то там не так сделал – начинает. Нравоучения читает. Что-то не так сделал, она сразу же заводится (*плачет*).

Т.: То есть, вы не можете найти между собой того взаимопонимания, чтобы ты не воспринимал мамины советы как обидные, и чтобы мама могла гордиться твоими поступками. И иногда ты бы хотел, может быть, посоветоваться с мамой, да... но ты боишься, что тебя мама будет пилить?

К.: Да, такое бывает.

Т.: Саша, а когда мама начинает так тебя по утрам пилить, и тебе делается так обидно, а как ты думаешь, что при этом мама чувствует?¹

С.: Не знаю.

Т.: А зачем она говорит так тебе, как ты думаешь?

С.: Ну, я думаю, что она думает, что я не понимаю ничего (*плачет*).

Т.: Она думает, что ты не понимаешь...

С.: По несколько раз одно и то же говорит.

Т.: Угу. А Вы? (*уже к Клаве*).

К.: Ну, в этот момент не можешь остановиться, понимаешь, что это неправильно. Наверно, нет какого-то института воспитания. Может быть, это, наверно. Потому что сознание, осмысление всех поступков,

¹ Конечно, это еще слишком сложный вопрос для ребенка, и в следующей реплике я исправлюсь, но этот вопрос имел и еще одно значение: он задавался в присутствии мамы, я ее тоже включала в наш разговор, мы говорили о ее чувствах.

потом уже оно приходит, поздно, и какое-то раскаяние. Но результатов от этого нет, потом, дальше новые ошибки.

Т.: И вот уже это как-то все накапливается...

К.: Да, накапливается, и какой-то такой груз, тяжесть остается...

Т.: И кажется, что самый близкий человек, сын...

К.: (*перебивая*) ... а он отдаляется.

Т.: (*продолжая и обращаясь к Саше*) ...или мать отдаляется, хотя это так обидно и горько².

К.: Хотя смысл жизни в воспитании ребенка и вообще смысл всей жизни. Если раньше писали, для чего мы живем, в принципе, может быть, для того, чтобы родить ребенка и дать ему жизнь и воспитание.

Т.: (*к Саше*) Саш, а когда тебя мама вот «пилит» по утрам, ты, наверное, не думал, что в этот момент ей так тяжело, и не из-за того, что она думает, что ты ничего не понимаешь, а оттого, что иначе не может, потому что накопилась какая-то обида, может, и на жизнь, и на какие-то обстоятельства тяжелые...?³

С.: Не знаю даже...

Такая стратегия выполняла функцию эмпатической шнуровки, проясняющей эмоции, которые стоят за обидными словами и поступками, и объединяющей разрозненные действия и чувства Саши и Клавы в единое эмоциональное поле, в котором присутствуют два чувствующих и страдающих человека – Я и ТЫ, а не Я и обидчик. Проговаривание мыслей и чувств, стоящих за частыми ссорами, позволяло дистанцировать негативные чувства и ссоры от семьи – ведь ни Саша, ни мама не хотят этих ссор, они происходят как бы против их воли: *«Теряется контроль, летит, как из рога изобилия, и упреки... А потом: «зачем, зачем, он не виноват, он еще не вырос, он еще не знает, не он создавал. И вроде он понимает, и мне жаловаться грех на моего ребенка, а что-то вот – как кошка пробежала между нами, как кошка...»*

Этот интуитивный выбор метода работы был удачным попаданием, ведь запрос клиентки был на то, чтобы дали некоторую информацию, совет или рекомендации, как воспитывать ребенка, и только эмоциональность первой фразы и мое стремление включить в происходящее Сашу помогли мне избежать этой ловушки в первой сессии. Клиентку отличает спутанный клубок мыслей, представлений. *«Что-то все анализирую, думаю-думаю...»* – говорит Клава на второй сессии, в действительности ходя по замкнутому кругу своих проблем и правил и противореча самой себе. На это жалуется Саша: *«Просто мама иногда начинает говорить-говорить, там, кем ты будешь, там, про это разное,*

² В этой фразе я старалась объединить их, показать сходство их чувств: **они оба** чувствуют отдаление друг друга – хотя дальнейшая работа показала, что эта ситуация не так симметрична.

³ И опять сложный вопрос для ребенка, но я осознавала это и все равно его задала. Это же можно было сказать как утверждение, но как вопрос звучало мягче, не так нравоучительно. Мне было важно задать этот вопрос в надежде, что, может быть, когда-нибудь он тоже себя об этом спросит. Таким образом, я старалась работать в «зоне ближайшего развития» мальчика. Одновременно это было обращение к маме: «Я понимаю, какие чувства заставляют Вас так поступать» – но сказать так прямо было бы очень грубо и неточно.

начинает там разные разговоры, неправильно делаешь, делай, как я, а потом, это, я сделаю, как она советует, а потом говорит, зачем ты это сделал, я тебе такого не говорила». Во время первой сессии я решила, что это связано с каким-то конкретным эпизодом и непониманием ребенком логики взрослых советов, и мы разбирали конкретный эпизод и чувства, которые он вызвал. Но впоследствии, анализируя консультацию, я увидела, что даже внутри одной фразы Клавдия противоречит самой себе: «Ну вот, меня, в частности, беспокоит его отношение к людям, восприятие друзей, как бы он с ними не очень ласков, то ли это черта мужского характера, то ли это такое немножко генетическое, я списываю это на генетическое, вроде отец у него не особенно такой восприимчивый с людьми человек был, вот, а он как-то не замечает этого, в принципе я же готовлю его к жизни, я хочу дать ему понять, что надо свои эмоции где-то спрятать, сначала присмотреться, а потом, значит, как-то или общаться с человеком., или воздержаться от общения, но всегда пытаюсь дать ему понять, что Саше лучше сдержанно относиться к людям, не проявлять особой любви или тем более ненависти, потому что в жизни может случиться так, что с человеком придется идти бок о бок очень долго, на протяжении жизни. Ну я, может быть, не те слова говорю, а, может быть, он не вырос еще, так что я хочу уяснить для себя, почему мы с ним не очень схожи. В принципе, я человек общительный такой, ну как, по характеру, меня не кусают, и я не трогаю, если укусят, я конечно, сдачи даю, вот, но мне бы хотелось, чтобы сын какие-то мои ошибки уже не повторял». Остатанавливается она, только когда вступает Саша. Я специально привела эту фразу полностью как образец речи и когнитивного стиля клиентки, и чтобы показать, как за подобным потоком не всегда ухватываешь суть и противоречия, кроющиеся внутри фразы. Она – эрудированная, образованная, неглупая женщина, но при этом попытка работать с ней на логическом уровне приводит к неудаче. Чувствуя эту свою запутанность, она все равно не может остановиться: «Я уже пытаюсь это объяснить и рождением под знаком Зодиака, и теорией, так сказать, христианской, и современным, так сказать, веянием... Но, Вы знаете, я была как-то раз на проповеди, и священник сказал: «Не пытайтесь найти истину, каждая истина отвергает саму себя, и получается замкнутый круг». То есть, все эти истины, выстроенные в ряд, они приходят в замкнутый круг. И вот этот замкнутый круг и получается, я все время чувствую этот замкнутый круг. Если эту истину убрать – то будет хромать это, это, это, и все равно все приходит в исходную точку. То есть, это действительно замкнутый круг, кольцо, из которого никогда не вырвешься. Но как мне самой затормозить на всем на этом? Я же понимаю, что всю жизнь за него не буду шагать, не буду переживать и печалиться. Ну я не знаю, что. Что мне предпринять? Я вообще – тупик».

Главным достижением первой встречи, на мой взгляд, было

катартическое проживание обид и разногласий, возникающих внутри семьи. И Клава, и Саша не стеснялись своих слез и болячек. Эта встреча позволила им не просто узнать, а ощутить чувства другого и стать ближе.

Я также предложила им некоторый вариант интервенции – два дня в неделю мама должна не говорить Саше о необходимости учиться и думать о будущем – мне хотелось дать им попробовать пережить такой опыт, когда не будет тех разговоров, которые постоянно вызывают ссоры. Клава с готовностью согласилась на эти ограничения и, как я узнала спустя две недели, им следовало. Видимо, здесь сыграло роль желание получить рекомендацию, ведь изначально установка у клиентки была на консультирование, но было и бессознательное стремление захватить с собой нечто, что будет напоминать им о пережитом опыте принятия и понимания их семьи. Да и идея этой интервенции возникла из происходящего на нашей встрече.

Т.: Когда тебе говорит мама: «Надо учиться», – как она тебе это говорит?

С.: «Ты не учишься, ты хочешь стать бараном».

Т.: «Ты не учишься, ты хочешь стать бараном»...

С.: «Ты ничего не знаешь, ты ничего не хочешь».

Т.: И что ты, Саш, после этого чувствуешь, когда тебе мама такие слова говорит?

С.: (*плача*) Желания учиться вообще нет.

Т.: И тебе кажется, что ты уже, действительно, ничего не хочешь. И что тебе после таких слов хочется?

Саша плачет.

Т.: Но учиться после этих слов уже не хочется. Т.е. получается, что мама думает, что этими словами заставит тебя учиться, а этими словами наоборот...

К.: Отбиваю охоту.

Т.: ...отбивает охоту.

К.: А какие слова тогда говорить надо?

Т.: Какие слова...

К.: Ну, чего сказать? Не учись?

Т.: А, может быть, не надо говорить слова, есть же не только слова.

И еще было одно неожиданное открытие. На прощание я попросила каждого рассказать про другого что-то хорошее, чем бы можно было гордиться. Саша, полный обиды, надолго задумался, тогда я обратилась к маме.

Т.: ...или Вы сейчас расскажете, что был такой день, когда Вам было приятно, что у Вас такой сын.

К.: Да мне всегда приятно, что у меня сын хороший. Меня, например, не раздражает, что он там полы не подмел, я не особо реагирую на это...

Т.: Ну какой-то особенный такой хороший момент, когда...

С.: Ты никогда не говорила, что я у тебя хороший, вообще, ты говорила, что я у тебя плохой (плачет)...

Т.: Ну, уже ради этого, хорошо, что вы сюда пришли. Мама, наконец, сказала, что ты у нее хороший.

К.: Я боялась тебя испортить.

С.: Ты говоришь: «Зачем я тебя родила» (*почти плача*)...

Т. (*к Саше*): Ну, конечно, когда такие слова слышишь...

К.: Да.

Т.: ...думаешь и сам: «Вообще, зачем я родился», и чувствуешь такое отчаяние. Представляешь, а оказывается, все это время мама думала, какой у нее хороший сын.

С. (*тихо, под нос*): Никогда она так не думает.

Т.: Что?

С.: Никогда она так не думает.

К.: По крайней мере не говорит, а думать – думает, но не говорит.

С.: Да, никогда ты, так не думаешь.

Т.: Ну это... вообще... надо же... ни в какие ворота просто не лезет...⁴

К.: ...что мама так не говорит (*смесь смеха и слез*).

Т.: ...что Вы никогда об этом не говорили.

К.: Нет, я в мыслях всегда думаю: «У меня хороший сын». Ну а говорить... говорить, я в принципе не хотела, чтобы он возгордился, так, чтобы он стал нос задирать.

Т.: От одного раза?

К.: Потому что я ему иногда говорю: «Санька, а мы ведь все равно дети были такие же, как вы, только мы, может быть, в более раннем возрасте там играли, или в позднем возрасте. Мы то же самое проходили – говорю – как и вы, как и наши родители, как и вы сейчас...»

С.: Никогда ты так не говоришь, ты говоришь: «Я была хорошей, училась отлично» (*передразнивая мать и плача одновременно*).

Т. (*к маме*): А на самом деле, может быть, Вы это говорите для того, чтобы почувствовать себя увереннее рядом с таким хорошим сыном.

К. (*смущенно смеясь*): Да, мне даже стыдно признаться, что я была хуже, чем он.

Т. (*к Саше*): А иногда, может быть, если бы тебе мама рассказала бы историю, как она получила двойку, или как у нее что-то не получилось, ты бы, может быть, почувствовал себя более уверенным.

С.: Все равно она никогда так не говорит.

Т.: Не говорит, да... Не рассказывает тебе таких историй...

К.: Ну ладно, теперь буду рассказывать...

⁴ Читать впоследствии свою реплику мне было и смешно, и стыдно, но в тот момент я действительно растеряла все нормальные слова.

Просматривая всю работу целиком, я думаю теперь, что на этом можно было бы завершить психотерапию. Встреча длилась около 45 минут, но за эти минуты было прожито так много. И то, что после сессии Саша какое-то время сидел, замерев, и не спешил уйти домой, на мой взгляд, указывало на важность им прожитого. Возможно, осталась некоторая недосказанность, но таким образом создавалось пространство для дальнейшего эмоционального процесса. Да, этот процесс уже не контролируется психотерапевтом, но когда от нас уходят клиенты – терапия не пожизненна – мы разве их можем контролировать? В защиту своей позиции могу также припомнить эффект незавершенного действия Б.В.Зейгарник, психологическую истину которого ощущаешь не только по незавершенным головоломкам, но и вспоминая значимых людей, с которыми не договорил, и мысленный разговор с которыми продолжается на протяжении жизни.

Тем не менее, конфликты, непонимание и сильные негативные чувства (обида, злость, тревога, чувство бессилия), проявившиеся на этой сессии, привели к тому, что я предложила провести еще несколько встреч.

Перепечатывая на бумагу аудиозапись консультации, я увидела, как много еще содержится в тексте того, что не успеваешь заметить в процессе консультации, что сразу забываешь, но на что полезно было обратить внимание. Так, я заметила безрезультатность моих попыток найти и опереться на внутренние ресурсы семьи, неэффективность в данном случае обычных психотехнических приемов. Доверие и следование за процессом клиентов позволили мне не задерживаться на этом. Но я не отметила это сразу. А, может быть, это был первый знак терапевту: «Не суетись» – и надо было просто признать свою роль безопасного фона для проживания негативных эмоций, накопившихся в этой семье, и частичного очищения от них, заранее принять и смириться с отсутствием другого результата.

При чтении стенограммы консультаций иногда привлекает внимание моя неточность и косноязычность в подборе слов. Я осознавала это, но речь не успевала за потоком эмоций, моей первой задачей было *быть здесь*, и, возможно, правильная безошибочная речь только разделила бы нас. Я научилась использовать свой недостаток, строя незаконченные предложения, делая паузы при поиске нужного слова и, таким образом, давая пространство моим клиентам. Они продолжали мною начатое, подбирали нужное слово, и часто уже непонятно было, чья это речь – моя ли, Клавина или Сашина. Это было общее полотно психотерапевтического процесса.

Читателя я прошу учесть особенность перевода живого психотерапевтического процесса в письменный застывший протокол, когда при переносе на бумагу остается шероховатость разговорной речи, но теряются интонации, мимика, поза и, возможно, общее настроение, то, что на языке психодрамы называется Теле, а на языке гуманистической

психологии – Встречей.

А я уверена, что на первой сессии Встреча состоялась.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА. ПО-ОТДЕЛЬНОСТИ

Вторая сессия проводилась через две недели, она очень плохо записалась на аудио, и поэтому я могу передать лишь ее общий сюжет, да отдельные запомнившиеся или понятные по записи фразы.

Мы договорились в середине первой сессии, что встретимся еще несколько раз по отдельности, так как мне показалось, что, действительно, и в маме *«конечно, конфликт большой»*, и необходима индивидуальная работа, и Саша, возможно, что-то не договаривает в присутствии мамы, и ему легче было бы обсудить это наедине.

Обе консультации я назначила на один день, друг за другом.

На сессии, которая проводилась с Клавой, она обрушила на меня целый поток сентенций, обид, представлений о враждебности внешнего мира и необходимости подготовки к этому ребенка – это было мое общее впечатление от сессии. А резюмирующей фразой клиентки, наверно, стала бы такая фраза: *«Мир несправедлив, это надо дать ребенку понять с детства, его надо к этому готовить, я мечтаю, чтобы мой ребенок шагнул широко, чтоб он не был, как все мужчины, чтобы он шагнул широко»*.

Попытавшись разобраться в плохих записях и спутанных воспоминаниях, я получила следующее.

Мы коснулись результатов первой встречи: *«Две недели прошло, две недели... Ну и как мы... Может быть, после разговора с Вами, может быть, жизнь сама меняет... Ну, что-то изменилось, что-то осталось так же. Какие-то проблемы решаются, что-то отодвигается другими делами, какие-то проблемы появляются заново... Может быть, зря я анализирую. Все анализирую, думаю-думаю... Ну, в общем, я прихожу к выводу, что идеального сына я не сделаю...»*

Мы говорили о том, что надо вкладывать в ребенка, и я оказалась вовлечена почти в спор о необходимости показывать свою любовь или, наоборот, показывать все те трудности, с которыми столкнется ребенок в будущем. И Клава все говорила, говорила...

Она рассказала о проблемах со школой и о том, что она перевела Сашу в другую школу. Всплыл в разговоре и тот факт, что Саша убежал из дома и отсутствовал десять дней.

Т.: Где же он ночевал?

К.: Не знаю.

От этого разговора Клава увела меня рассказом о недавнем конфликте Саши с бывшей учительницей. Когда Саша рассказал ей об этом, она в ответ сказала ему только одно: *«Я же тебе говорила – не тронь говно – оно не воняет»*. И это было сказано мимоходом, естественно, без критики.

Стремясь найти какой-то резерв в ее прошлом опыте и пытаюсь

перевести разговор в позитивное русло, я предложила Клаве рассказать о том, как проявлялась любовь в ее жизни. Это частично уменьшило негативизм клиентки, но затем она опять ушла в свои хождения по круговым монологам.

Она много говорила о том, что нужно ее ребенку «дать, привить, направить, заложить». И желая дойти в этом до конца, я решила использовать технику «пущенная вниз стрела».

Т.: Что Вы хотели бы для Саши?

К.: Сейчас надо зарабатывать. Да! Я хочу, чтобы он выучился, чтобы имел знания.

Т.: Для чего?

К.: Чтобы купить квартиру, чтобы быть сытым, быть одетым, чтобы работал, чтобы работа его удовлетворяла...

Т.: А для чего?

К.: Чтобы родил детей, чтобы детям мог дать образование...

Т.: А для чего?

К.: Чтобы он тоже стремился быть... Ну как, существуют определенные ограничения – нормальный, ненормальный. Ну как – допустимый факт, не допустимый... Вот пьяница – это ненормально, да? Убийца – это ненормально, вор – это ненормально. Но ведь как же... Что я хочу... Я хочу хорошего. Чтоб он вырос, чтоб он имел хорошо оплачиваемую работу. Может быть и не такая, чтобы очень нравилась, но... чтобы хорошая. Я хочу, чтоб он шагнул широко в своей жизни, чтоб он не оглядывался. Чтобы он зарабатывал...

Я наивно ожидала услышать, что она желает в конечном итоге своему ребенку счастья – с этим можно было бы работать. Но получала в ответ нормативный перечень. Мне не хватило терпения.

Т.: А счастье?

К.: Ну, про счастье – это совершенно другая тема. Я вам сейчас так обговорю – скажите: «Спятила, что ли?» Счастье каждый понимает по-своему. Можно любую из этих сторон обговаривать долго, и каждая теория будет опровергать другие и будет права по-своему...

Мы заговорили о счастье, и пришел Саша. Я пыталась включить Сашу в общий разговор о счастье, но, не встретив энтузиазма, попрощалась с Клавой.

Сессия с Сашей длилась не больше пятнадцати минут. Он не стремился открыться, а я уже была совсем без сил. В результате наше общение свелось к диагностической беседе. Он нарисовал мне рисунок семьи, рисунок получился настолько скупой, что я не стала его о нем расспрашивать. Главное, что меня интересовало, – количество фигур в рисунке, их было две. Я расспросила про его отца, об этом он говорил скупко и с пренебрежением: «Такой приснится – не отмахнешься». Я заговорила о прошлой встрече.

Т.: Мне показалось в прошлый раз, что ты что-то не договорил, что-то, чем обижен на маму?

С.: Ну, как... Ей тоже тяжело...

Этот ответ подарил мне надежду и сказал больше, чем его же слова о том, что после нашей встречи отношения улучшились.

По моей просьбе Саша рассказал историю, когда он гордился своей мамой. Это было так давно. На окончание детского сада мама испекла пироги, и все ее хвалили, пироги были самые лучшие. И еще я спросила его, что для него счастье,

Вот ответ: *«Для меня счастье – это когда у мамы хорошее настроение, есть дома что-нибудь вкусное и в школе хорошие оценки».*

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ

Общее впечатление от второй сессии – встреча не состоялась.

На это также указывали многие признаки. Внутреннее ощущение дискомфорта и упадка сил. Раздражение на Клаву, проявляющееся в желании поставить ей диагноз или осудить⁵. Недовольство собой как терапевтом. Сильное сожаление, что эта сессия вообще состоялась и испортила впечатление от первой встречи. И ночной кошмар, приснившийся мне этой же ночью. Мне давно не снятся кошмары, и сон показал, насколько все это меня задело. Соглашаясь с Минделлом в том, что сны являются неким продолжением, символическим отражением происходящего между терапевтом и клиентом, я его перескажу.

Я проснулась от боли в сердце, но не могу никого позвать на помощь, так как лишилась голоса из-за спазмов в горле. Я понимаю, что это ботулизм – смертельное отравление. В ужасе пытаюсь достучаться до кого-нибудь и знаками объяснить, что со мной происходит. Это усилие и пробудило меня от кошмара.

Пытаясь анализировать свою работу, я задавала себе вопросы:

«Что изменилось?», «Что произошло?» Первая сессия стала истинной Встречей, а вторая обернулась для меня тягостным бессмысленным разговором с озлобленной недалекой женщиной. Сравнивая их, я старалась найти главную составляющую психотерапевтического успеха или неуспеха. Но как тяжело выделить главное среди множества самых разных факторов, влияющих на целостный процесс. Полный ответ на этот вопрос мог бы стать отдельной работой, содержащей таблицы, схемы и структурированные списки, но не вписывается в жанр этой статьи.

Что-то изменилось в наших отношениях, изменилось в моем отношении.

На первой сессии я воспринимала, нет – принимала Клаву и Сашу, их семью, как она есть, проживая как бы изнутри их жизнь, переживая, но не оценивая и не ожидая от этого результата. А на второй сессии я вдруг

⁵ Ирвин Д.Ялом в одной из своих новелл: «Я усмехнулся про себя, поняв, что думаю о ней на профессиональном жаргоне, стало быть, я и правда зол на нее».

оказалась в позиции стороннего наблюдателя, якобы способного разобраться, что в каждом не так, что ему мешает быть счастливым, а, следовательно, оценить и исправить неправильное.

К тому же, разделив их, и в то же время считая своим клиентом семью целиком, я осталась без клиента. Я видела перед собой женщину, раздражающую меня (к этому я еще вернусь), чужого ребенка, но не видела той эмоциональной полноты, той *любви*, может быть, неназванной, которая присутствовала за всеми обидами и обвинениями. Как будто вынули душу. И я поняла, что хотя во время первой встречи и Саша, и мама почти не смотрели друг на друга и не обращались друг к другу, это был разговор между ними, не со мной. Общаясь через меня, они смогли сказать то, что иначе было невозможно. Так иногда легче самое важное сообщить по телефону или даже в письме.

Я до сих пор сожалею о том, что первая встреча не стала единственной, несмотря на то, что анализ всей работы целиком для меня много значил и многое открыл, и несмотря на то, что, как мне кажется, я смогла исправить и даже использовать вторую сессию и что-то дать на третьей встрече.

Так как после второй сессии я нуждалась не только в анализе, но в личной психотерапии, как нельзя кстати оказалась книга Ирвина Д.Ялома (1997), сказавшая, что и именитые терапевты ошибаются, злятся на своих клиентов и пытаются их в чем-то убедить. И странно было ожидать какого-то особого результата от клиентки всего лишь на второй сессии. Это не неудача психотерапии. И я подумала, что, наверное, это гордыня.

Таким образом, я перехожу к анализу своего, вдруг изменившегося отношения.

«Первый звоночек» прозвенел, когда я заходила договариваться о времени второй встречи. Испытывая сожаление о том, что не сказала Клаве и сыну в конце первой встречи о своем восхищении их искренностью и смелостью в обнажении чувств, я начала что-то говорить об этом, и у Клавы на глазах появились слезы. Она оборвала меня, сказав, что поговорим потом на встрече (она очень хорошо и четко прорабатывает границы). Я ушла и вдруг подумала: «Интересно, она вообще легко плачет?», поставив, таким образом, под вопрос глубину и искренность ее чувств. Больше я не видела ее слез.

На ошибках учатся. Но специфика нашей профессии делает эту учебу горькой и для нас, и для клиентов. Мой урок из этой ошибки – *презумпция искренности и глубины чувств клиента*.

Попробовала разобраться, почему я вообще задала себе такой вопрос о слезах, и поняла, что, встретившись на первой сессии с чужой настоящей болью, я бессознательно пыталась отстраниться от нее с помощью легкого цинизма. «Клиенты залили своими слезами мне весь ковер», – говоря так после первой встречи, я как бы одновременно и переживала за них, и смотрела со стороны, отделяясь от пугающей экзистенциальной безысходности их ситуации.

Мой второй урок – *в психотерапии цинизм запрещен.*

Изменило мое отношение к клиентам и желание получить какой-то результат. Откуда это? Подозревая, что клиент ждет результата от терапии, я становлюсь слугой этого несформулированного желания, в своей гордыне решив, что могу его исполнить. К этому еще добавилось стремление написать диплом с описанием данного случая. Субъективная необходимость достичь результата и заставляла меня искать новые ходы и способы убеждения. Это усиливалось нашей несхожестью. Клава много и быстро говорит, эмоциональна, ожесточена, и мне, с моей медленной речью и другим восприятием жизни, было с ней очень тяжело. Когда сталкиваешься с тем фактом, что базисные представления клиента о мире столь противоположны твоим⁶, то невольно впадаешь в искушение переубедить. Тем более, что знаешь из первой встречи, как этой установкой она разрушает свои отношения с сыном, как это ранит его, и понимаешь, как это больно отзывается ей. Таким образом, Клава стала препятствием на пути к достижению моей цели, и, соответственно, из субъекта превратилась в объект психотерапии. А на меня навалилась ответственность за происходящее, обратная сторона свободы. Эта ситуация способна породить сильнейшую тревогу, которая отразилась в моем сне. В немоте и страхе смерти. Но сон также был и подсказкой, указывал выход: «Знак вместо слов». Этим знаком в первой сессии была эмпатия. Я теряюсь в потоке слов и рассуждений Клавы, безрезультатно пытаюсь за ними проследить и ответить, но при работе с чувствами этого не происходит. Эмпатия позволяет интегрировать ситуацию в целом, дать ей знак: «Твои чувства приняты». Словесный поток, скорее всего, вызван внутренней тревогой и желанием дистанцироваться, заглушить тревогу, и безоценочное принятие и эмпатическое понимание просто необходимы клиенту. Знаком я решила и завершить наши отношения.

Таким образом, я перешла к планированию заключительной встречи и разбору более частных результатов второй сессии. Но сначала мне хотелось бы сформулировать для себя еще один урок, надеюсь, он поможет мне в будущем избегать ловушки под названием «необходимость достичь результата». Мой третий урок – *главный результат терапии – дать клиенту пережить опыт принятия и понимания.* Это то, о чем писал Роджерс, но, к сожалению, прежде чем принять это, мне было необходимо набить себе шишки. «В результате клиент понемногу становится способным слышать себя, он получает возможность воспринимать те свои чувства, которые всегда отрицал и подавлял. Клиентом реже используются защитные механизмы, а отсюда – он более открыт своему и чужому опыту» (Роджерс, 1994).

Итак, после неудавшейся второй сессии, передо мной встал вопрос: что делать дальше, как исправить или, лучше, использовать свои промахи?

⁶ Очень схематично: ее – мир суров, и главное – прожить достойно; мои – мир сложен, но любовь придает ему смысл.

Я приняла решение о том, что следующая сессия будет последней. Возможно, и Клаве, и Саше помогла бы длительная терапия. Но просьбы об этом не было. Да и изначальный договор был о краткосрочной помощи. Этому решению способствовало и то, что Клава перенесла в последний момент уже назначенную сессию, и, передоговариваясь на новое время, я сказала, что это будет заключительная встреча. Исходя из этого, я планировала работу. Ее цель – подведение итогов. Внутренней целью для меня было – занять прежнюю конгруэнтную позицию. «Конгруэнтность» – когда чувства, испытываемые психотерапевтом, доступны ему, его понимание, он способен «прожить» эти чувства, испытать их и соответствующим образом сообщить о них другому человеку» (*там же*). Но как сообщить клиенту о чувстве раздражения, непонятости и несогласия с ним? Я говорила себе, что возможно не любить, но уважать клиента, ценить его индивидуальность – но пока это были только слова. Я напоминала себе о необходимости работать с чувствами клиента, и это немного помогало. Я попыталась использовать свой негативный опыт общения по-отдельности, и это отразится в третьей сессии. Ответ я нашла в использовании знака – метафоры. Я решила рассказать историю, которая показала бы Клаве, что ее путь воспитания ведет к потере близости с сыном. Мне вспомнился Александр Македонский – наверное, имя Саши и желание мамы, чтобы ребенок шагнул широко, слились для меня в этот образ. Я побоялась пойти против исторической правды и сочинила свою историю про полководца, но в процессе нашей последней встречи придуманная история каким-то образом изменилась, позволив мне принять моих клиентов.

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА. ПРИНЯТИЕ. ОТКРЫТИЯ

Признав свою скромную роль фона, тем не менее, я не могла повторить первую встречу – нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Да и задача у меня была другая: было оговорено, что это будет заключительная встреча, и хотелось подвести некий итог. Но мысль о том, что фигура терапевта в данной, семейной терапии становится фоном (да простят меня гештальтисты) пронизывает консультацию. Даже в видеозаписи, случайно (о синхронность!) задев камеру, я перевела объектив с треугольника К.-С.-Т. на пару мать-сын, оставив от терапевта только голос и руки.

Предыдущая сессия перевернула мое представление о клиенте терапии, и, хотя я старалась по-прежнему работать с семьей, фокус моего внимания больше сместился на маму. С ней я не договорилась, ее я не принимала и хотела бы принять. Тем более так сложилось, что сначала пришла мама, а Саша появился спустя 15 минут.

Первые минуты третьей встречи напоминали вторую сессию. Я старалась говорить о чувствах, постепенно преодолевая свое сопротивление и учитывая недоверие мамы, но мне не сразу это удавалось.

Т.: Сегодня заключительное занятие. После первой встречи я

решила, что мы еще встретимся, а на второй встрече я поняла, что время идет, семья живет своей жизнью и, может быть, иногда достаточно просто выговорить друг перед другом какие-то свои обиды, свои желания, и уже стало чуть-чуть полегче, что-то изменилось, а что-то, может быть, осталось по-прежнему⁷. Когда Вы второй раз пришли, я подумала, что, может быть...

К. (вступая): ...есть изменения.

Т.: Да, может быть. А потом я поняла, что когда вы вдвоем, вы – Семья, происходит что-то значимое, важное, настолько эмоциональное и для Вас и для Саши, и поэтому я хотела бы втроем встретиться, здесь не важна моя роль, важно, чтобы и Саша что-то узнал о Ваших отношениях в присутствии другого человека, и Вы что-то узнали. Ну, и были сказаны какие-то важные вещи... Бывают обиды, которые можно простить, а бывают обиды, которые простить тяжело, и для Саши очень важно, как, что думают окружающие о нем и его маме, и если бы я давала рекомендации, что категорически не делать, то категорически не ругать его в присутствии друзей. Когда он говорил: «Мои друзья говорят, что ты кричишь на меня на улице», чувствовалось, что для него это...

К. (вступая): ...оскорбительно.

Т.: ...самая обида. То, что он простить не может. Могли бы Вы решить для себя: «Это я делать не должна», – все остальное можно, можно кричать дома, все равно иногда срываешься, накапливается обида, злость и тревога, срываешься, все это вместе образует...

К. (вступая): Все равно идет своего рода счет на равновесие, который мы не учитываем. Например, я что-то прошу делать, он не делает, соответственно, для того, чтобы его как-то дернуть, остановить, направить, показать, какой хотите синоним, я вынуждена его делать гадости. Это своего рода гадость, я знаю, что этого нельзя делать, но я делаю, чтобы его поставить на место, потому что, если не ставить (*повышает голос*) человека на место, он будет забываться, потому что если он понимает, что мать сейчас разорется, он уже предварительно понимает, что надо делать это или не надо – это своего рода тоже черта в воспитании, потому что, если бы мы были преданы, отданы только друг другу, мы бы ходили и все бы делали с высшим коэффициентом, но ведь я занята на работе, я занята в магазине, я занята по хозяйству, он же должен, самоотдача должна быть от него... А эти срывы, то, что он называет, это нормальные явления для любой семьи – это мы уже хотим идеала, я от него хочу идеальности, он от меня хочет, а потом...

Т. (перебивая): То есть, когда он что-то делает, Вы чувствуете...

К.: Злость.

Т.: ...бессилие и злость...

⁷ Здесь я специально почти цитирую ее слова со второй сессии, этим говоря: «Я не претендую на то, что смогла решить Ваши проблемы, те проблемы, которые Вы не могли решить, может быть, их решит время, я не стою как специалист над Вами».

К.: Он заслужил уже такого отношения. Если я ему сказала, что он должен быть дома в восемь часов...

Я привела этот кусок, чтобы показать и сложность клиентки, и свои проблемы, с которыми я столкнулась на второй сессии. Слушая ее слова, как-то забываешь о той боли, любви и тревоге, которые стоят за этими словами, и которые проявляются только в скованной позе, вздохе, смущенном смехе, в том, что Минделл называет вторичным процессом.

Т.: Он мне сказал, что его особенно ранило, что вы кричали на него...

К. (со вздохом): при друзьях...

Т.: ...при друзьях.

Ее чувства становятся более открытыми после появления Саши.

Т. (к Саше): ...Мне кажется, наверное, что для тебя очень важно, как другие люди относятся к твоей маме. Ты хотел бы гордиться своей мамой. Когда я попросила вспомнить что-то хорошее... *(К Саше, напоминая и вспоминая)* Да? Про маму. Ты вспомнил, как твоя мама испекла пироги на окончание детского сада...

К. (к Саше и к терапевту, улыбаясь): ...что-то я даже не помню такого...

Т. (к маме): ...говорили, что Вы лучше всех. *(к Саше)* И все хвалили ее. Чувствуется, что для Саши важно, что другие говорят о Вас, и что он хотел бы гордиться Вами.

К. резко, но негромко вздыхает.

Т.: *(к Саше)* Понятно, что маме иногда...

На этой встрече я стремилась поделиться своим опытом, порой тяжелым и негативным, и использовать его для терапии.

Т.: Я поняла разницу между посещениями, когда бы приходили ко мне вместе, и когда вы приходили по-отдельности. В первом случае я чувствовала, что вы – Семья, что вы – вместе. Насколько значимы для вас отношения друг с другом. А когда бы приходили по-отдельности, то, разговаривая с Клавой, я чувствовала себя Сашей, а разговаривая с Сашей – чувствовала себя...

К.: ...мамой!

Т.: Да. Я бы хотела...

К.: соединиться...

Т.: ...поделиться этим опытом. Когда я чувствовала себя Сашей, я чувствовала...

К.: ...перегиб...

Т.: ...бессилие, беспомощность, невозможность как-то вставить слово...

К. (смеясь): Вдруг она скажет: «Замолчи, слушать тебя не хочу, попробуй пикни, да?»

Т.: ...просто невозможность объяснить, переубедить...

К.: ...изменить что-то...

Т.: Да. На меня просто волна ваших слов, доводов, правил, и чувствуешь, что лучше просто молчать. А когда Саша приходил ко мне, я чувствовала, что он не хочет ни отвечать, ни говорить. Замкнутость, отчужденность, отдаленность. И мне хотелось даже закричать, чтобы он стал ближе...

И как завершение, как метафорическое отражение происходящего я рассказала...

Т.: ...историю, которую я недавно как раз прочитала, притчу, былину, которая чем-то, может, быть, похожа на вашу семью, чем-то нет. Это история об одном герое-полководце и его детстве. Это было давно, в средние века... Это легенда... Его звали Алексей и был он беден, его растила мать. У него был друг, друга звали Савелий. Они жили в соседних домах, это были такие хижинки деревянные. В хижине была всего одна комната. Это был бедный район. Им приходилось перебиваться и не хватало еды. Но мать Алексея все делала, чтобы он вышел в люди, и ей хотелось, чтобы он стал великим человеком. Она на него кричала, даже иногда била и по утрам заставляла тренироваться с Савелием. У Савелия тоже была мать, но она как-то не очень занималась его воспитанием. И Алексей злился на мать за то, что она его поднимает – на улице еще холодно, темно. Она заставляет куда-то бежать, какие-то камни таскать – я не помню точно. Деревянным мечом тренироваться. И он не мог понять, что она от него хочет, и думал, лучше бы она дала мне кусок хлеба и отпустила бы бегать в лес. Но она хотела, все равно продолжала, иногда даже била, сама дралась с ним – она хотела, чтобы он вырос человеком... Прошло время, и он действительно стал великим военачальником, а Савелий остался его помощником. И все знали про этого Алексея, и слава о нем дошла через границы государства, и все его уважали и боялись. И мать его тоже уважала, потому что она была матерью героя, но при этом он не мог... Он помогал матери, и она заняла достойное положение, когда он продвинулся, стал полководцем, но он все равно чувствовал какую-то обиду. И все равно отношения их были отчужденными. Он когда вырос, стал говорить: «Ну, ты теперь не будешь управлять мной, ты не будешь меня воспитывать, и я с тобой не хочу общаться... я там тебе буду помогать...» И только когда он состарился, а его мать умерла, он подумал: «Почему я не поблагодарил ее за то, что она сделала из меня героя?» А друг его Савелий, у него же тоже была мать, он не стал героем, сохранил отношения с матерью. Но иногда говорил ей: «Ну что ты не воспитывала меня, как мать Алексея?» Такая вот история. На самом деле я не полностью ее рассказала...

Это был мой первый опыт сочинения истории. И я чувствовала неуверенность и страх, что меня разоблачат, и скажут, что я это выдумала. И удивление у меня вызвали мои слова про Савелия и его упрек своей

матери. Я собиралась его сделать примером. И зачем я вообще ввела этого Савелия? И только по окончании встречи поняла, что таким образом я приняла Клаву, осознав, что ее путь такой же ценный и истинный, как и мой. Я в тревоге ждала ответа на свою историю.

К.: Марин, а вы никогда не обращали внимание в своей жизни, что у нас все имеет свое равновесие? Вот то, что перегнула мать этого полководца, и не досталось этому, это было все компенсировано, если он не трудился в детстве, он не получил блага. А если этого стали насильственно давить, то он получил свои блага. Но ведь цель нашей жизни не в том, чтобы чего-то добиться, а цель-то нашей жизни достойно прожить эту жизнь. Это, например, не обижать, не воровать, не убивать. Понимаете? Это же достоинство. Если ты не унижил, не убил, не оскорбил человека, а прожил свою жизнь в достаточном труде, в достаточном достатке, не то чтобы там аж засыпался этим бараклом, как сейчас, Поэтому здесь все закономерно... А эта притча знаете откуда? По-моему, это из Евангелия, что-то такое я читала в Евангелии... Там три есть отображения, и вот в одном из них, по-моему, в третьем.

Т.: Я читала в переложении...

К.: Наверно, в переложении, потому что там такое есть, наподобие этого. Ну, а в принципе все равно, все наши литературные произведения основаны на тех, дальних иносказаниях.

Т.: Да...

К. (Улыбается): Ну, я очень хорошо себя увидела в роли этой мамы, еще бы сына увидеть в роли полководца какого-нибудь достойного. Ты как, Сань, думаешь? *(смеется)* ...мама заставляет, заставляет тебя...

Т.: При этом он с ней не примирился.

К.: Ну это естественно, потому что там... Да, но второй сын тоже не примирился со своей жизнью.

Т.: Ну, второй, он с жизнью не примирился. А так он...

К.: Это полнейшее равновесие – если нет здесь, то есть здесь. Если здесь много, то там не хватает ровно столько же. Так что...

Этим разговором и завершились три наши встречи. Прикоснувшись к чужой жизни, сопережив, я смогла принять ее инаковость. Клавин ответ сказал мне, что ее путь – это ее выбор, не до конца проговаривая, алогично, противореча самой себе, она все же делает свой Выбор – прожить жизнь достойно, и сделать все, чтобы и сын прожил жизнь достойно, – в душе соглашаясь на возможную плату. Об этом она сказала еще на первой встрече.

К.: «Растишь сына, это не твое, вот уйдет, женится» и действительно заботишься о нем, но чувствуешь: «не мое, не мое, рядом ходит, но не мое», может быть, по природе так и должно быть... но хочется, чтобы он все-таки твердо встал.

И приняв ее, я открыла другой образ мира, в котором достичь счастья – не главное.

* * *

Многое осталось за рамками наших встреч, что-то не успела, не узнала... Множество проблем всплывало в процессе работы – это и отношение Клавы к мужчинам, и неясная фигура Сашиного отца, и Сашин побег из дому, и причина Клавиной обиды на мир. И все так переплетено, что нельзя описать какой-либо схемой, ведь в нее входит и внешний мир, и государство, и школа, и мировоззрение, и вся жизнь, и развивающиеся отношения между двумя близкими людьми – сыном и матерью. Мне не хватало времени. Мне не хватало знания.

...Да и что мы знаем о другом? «Знание и не нужно. Ибо там, где между людьми установилась открытость, пусть даже не в словах, прозвучало священное слово диалога» (М.Бубер, 1995).

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: «Республика», 1993.

Бубер М. Два образа веры. – М.: «Республика», 1995.

Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической науки. // Вопросы психологии, 1988, № 5.

Диалог Карла Роджерса и Мартина Бубера. // Московский психотерапевтический журнал, 1994, № 4.

Минделл А. Работа со сновидящим телом. // Московский психотерапевтический журнал, 1993, № 1-4.

Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: «Прогресс», 1994.

Саймон Р. Один к одному. Беседы с создателями семейной терапии. – М. «Класс», 1996.

Ялом И.Д. Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы. М. «Класс», 1997.